

РОМАН Р. БЕЛЯЛЕТДИНОВ

Институт философии РАН, Москва, Россия

ORCID: 0000-0003-1420-0022

Нейробиология и благо: возможно ли *сделать* человека моральным?

doi: 10.22394/2074-0492-2020-2-87-103

Резюме:

Вопрос о статусе морали зазвучал в прикладной этике с новой силой в связи с открытием возможности нейробиологически и генетически интерпретировать действия морального агента. Биотехнологическое осмысление общества в целом является длинным трендом в технонауке и может рассматриваться как трансгрессия (био)технологий в сферу этики. Суть конфликта критически настроенных биоэтиков и техноориентированных утилитаристов лежит в плоскости нарушения фундаментальной ценности автономии (Дж. Харрис) и разрушении принципа солидарности и равенства (А. Бьюкенен). Сторонники технотерминированного морального действия в качестве условий осуществления экспансии технологий в сферу морали выдвигают предсказуемость последствий как условие легитимации технологии (Н. Агар), необходимость предотвращения максимального вреда (Дж. Савулеску) и право на добровольный выбор биотехнологического регулирования собственного морального поведения (В. Ракич). В центре дискуссии находится проблема блага, для практического решения которой уже предсмотрены механизмы морального аутсорсинга (служба триаж-офицеров в медицине катастроф, расширенное информированное согласие для биобанков). В статье проводится сопоставление морального действия как выбора, морального действия как принуждения и морального действия как аутсорсинга и определяется место нейробиологической интерпретации блага и морального действия внутри теоретического понимания морального поступка в прикладной этике. В частности, рассматривается роль когнитивного акта в контексте морального акта, анализируется проблема отложенных рисков и их регулирования при принятии морального решения. Делается вывод, что одним из проявлений воздействия

87

Белялетдинов Роман Рифатович — кандидат философских наук, старший научный сотрудник сектора гуманитарных экспертиз и биоэтики Института философии Российской академии наук. Научные интересы: биоэтика, исследовательская этика, нейробиология, технонаука. E-mail: roman_rb@iph.gas.ru

Исследование выполнено при поддержке РФФИ (проект № 19-011-00812).

Acknowledgement: The study was supported by the RFBR (project No. 19-011-00812)

(био)технологий на человека является усложнение и трансформация моделей принятия моральных решений, в связи с чем универсальные методы, формирующие моральное действие (моральный акт как выбор), могут дополняться новыми моделями, конституирующими благо и моральное действие.

Ключевые слова: нейробиология, мораль, благо, автономия, постчеловек

Roman R. Belyaletdinov

Institute of Philosophy RAS, Moscow, Russia

ORCID: 0000-0003-1420-0022

Neurobiology and the Good: Is It Possible to Make a Person Moral?

Abstract:

With the discovery of the possibility of neurobiologically and genetically interpreting the actions of a moral agent, the issue of the status of morality returned to applied ethics with renewed vigor. The biotechnological understanding of society as a whole has been a long-running trend in technoscience and can be considered as a transgression of (bio-) technologies into the sphere of ethics. The essence of the conflict between bio-conservative ethics and techno-oriented utilitarians lies in the plane of violation of the fundamental value of autonomy (J. Harris) and the destruction of the principle of solidarity and equality (A. Buchanan). Supporters of techno-determined moral action as conditions for the expansion of technology into the field of morality put forward the predictability of consequences as a condition for the legitimation of technology (N. Agar), the need to prevent maximum harm (J. Savulescu, I. Persson) and the right to an autonomous choice of a biotechnological regulation of morality (V. Rakic). At the center of the discussion is the problem of the good, for the practical solution of which moral outsourcing mechanisms have already been envisaged (e.g. the service of triage officers in disaster medicine, extended informed consent for biobanks). The article compares moral action as a choice, moral action as a coercion and moral action as outsourcing, and determines the place of the neurobiological interpretation of good and moral action within the theoretical understanding of a moral act in applied ethics. In particular, the role of a cognitive act in the context of a moral act is examined, the problem of deferred risks and their regulation when making a moral decision is analyzed. It is concluded that one of the manifestations of the impact of (bio) technology on a person is the complicity and transformation of moral decision-making models, in connection with

---

Roman R. Belyaletdinov — PhD, Senior Research Fellow, Department of Humanitarian Expertise and Bioethics Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences. Research interests: bioethics, research ethics, neuroethics, technoscience. E-mail: roman_rb@iph.ras.ru

which the universal methods that formulate a moral action (moral act as a choice) can be supplemented by new models that constitute good and moral action.

Keywords: neurobiology, morality, good, autonomy, posthuman

Введение

В 2015 году в Белграде состоялась международная конференция «Улучшение понимания улучшения» (Enhancing Understanding of Enhancement) при поддержке Хастингского центра, посвященная моральному биоулучшению человека. Эта исследовательская тема возникла как междисциплинарная проблема на границе биомедицины, биотехнологий и философской биоэтики, а ее объект исследований связан с осмыслением нового статуса морального акта как проявления автономии, как реализации персональных нейробиологических предпосылок и как социального коммуникативного и адаптивного механизма.

Нейробиологические исследования дали представление о нейропептидных механизмах «заботы» [Suhler, Churchland 2011: 48], генетические исследования продемонстрировали взаимосвязь экспрессий отдельных генов и поведенческих стратегий [Rakić 2019]. Сложилось представление, что биосоциальный характер морали выражается в том, что она «является результатом как генетических, так и средовых факторов» [Suhler, Churchland 2011: 46] Нейробиологические процессы заботы связаны с функциями окситоцина и вазопрессина, а также эндогенных опиатов [Ibid.: 48]. На основании полученных наработок возник общий концептуальный остов нейробиологической системы морали, в некотором смысле конкурентный когнитивной и рациональной теории морального действия. В его рамках стали развиваться такие направления, как моральная психология и нейроэкономика, устанавливающие корреляции этики и нейробиологических феноменов и рассматривающие поведение человека во взаимосвязи с нейробиологическими факторами.

Между тем одна из основных претензий к идее морального биоулучшения у участников конференции, среди которых было много философов и врачей, заключалась в том, что мотивация морального агента опирается на этически обоснованные концепты (правила, обычаи) и психологические состояния (симпатия), которые сами по себе являются сложными социогуманитарными феноменами. На практике биотехнологический трансфер моральных концептов и их репрезентация в виде нейробиологических инструкций приведет к проблематизации биоэтического принципа автономии. В настоящее время нейробиологические основания морали ука-

зывают лишь на то, что этическое поведения имеет более сложную природу, чем считалось ранее, а установление связи биологических и социально-коммуникативных факторов входит в сферу философских и биоэтических исследований.

Тем не менее результатом конференции можно считать возникновение дискуссии о биотехнологическом регулировании морального поведения, принимающей во внимание неисключительность когнитивного содержания моральных актов и признание того, что моральный агент находится под влиянием нейробиологических факторов, которые также могут рассматриваться как объект анализа философской морали. Обсуждение возможности влиять на моральное поведение, биотехнологически воздействуя на нейробиологические процессы, стало частью утилитаристских и деонтологических дискурсов, ориентированных на анализ технаучных исследований и общества.

Дальнейшая дискуссия показала, что проблема простирается дальше технических особенностей воплощения моральных принципов с помощью биологических манипуляций и указывает на конфликт двух подходов к благу, которое может пониматься двояко: как статическая, нейробиологически укорененная просоциальная функция (например, забота о близких) и как динамический творческий акт автономии.

90

Нейробиология морали

Моральное поведение — сложный феномен, опосредованный социальными нормами и философскими принципами. В общем случае принципы морального поведения усваиваются человеком сначала в семье, затем в процессе образования и ежедневной социальной практике. Кроме того, поведение опосредуется аффективными (изучаемыми моральной психологией) и биологическими (нейропептидными и генетическими) причинами. В большинстве случаев первичным стимулом морального поступка является интуитивная аффективная реакция, связанная с неприятием определенного действия или события вне рационального объяснения. Базовая часть того, как можно *сделать* человека моральным, лежит в понимании «биомеханики» морали, в том, до какой степени нравственные поступки когнитивны, как соотносятся когнитивно-семантические и поведенческие уровни и насколько более высокий уровень организации морали, прежде всего философско-интеллектуальный, может воздействовать на биологические процессы.

Просоциальность как результат переноса простейших функций сохранения потомства на социальную организацию и перестраивание механизмов нейропептидного стимулирования для вознагра-

ждения/подавления поведенческих стратегий — один из ключевых тезисов биологической экспансии нейробиологии в область этики. Он опирается на эволюционную нейробиологию — процесс изменения специализации нейропептидов.

Система вознаграждения/наказания в социальном поведении могла возникнуть на основе инверсии рептильного «страха и оцепенения» в «неподвижность без страха» — навыка, необходимого для выкармливания потомства у млекопитающих [Suhler, Churchland 2011: 49]. Один из древнейших нейропептидов, окситоцин, изначально отвечавший за стимуляцию питания и безопасность собственного организма, в процессе эволюции и естественного отбора менял свою функциональность и стал важным элементом построения устойчивых парных связей у животных. Прерийные полевки, а также некоторые приматы строят устойчивые отношения именно по причине опосредованности подобных отношений функционированием окситоцина в гипоталамусе [Donaldson, Young 2008]. Разрыв отношений или прекращение общения эти животные переживают как беспокойство, нейробиологически выражающееся в повышении кортикотропин-рилизинг фактора [Ruscio 2007; Suhler, Churchland 2011: 49].

91

Усложнение социальной системы в процессе истории человеческого общества, возникновение устойчивых коммуникаций, признание/непризнание определенных типов действий, одобрение или исключение опосредованы переносом функций нейропептидов, некогда ответственных за воспитание потомства, на стимуляцию поведенческих функций, определяющих отношения свой/чужой, норма/девиация, друг/враг. Изоляция, изгнание, прекращение общения — форма наказания не только на социальном уровне, но и на уровне биохимии мозга.

Этическое одобрение или непризнание могут быть и не опосредованы когнитивным актом и установлением причинно-следственных связей или применением руководящих этических принципов. Ряд психологических исследований, посвященных моральной реакции на аморальные, но вместе с тем безопасные триггеры показывает, что испытуемые переживают неприязнь к определенным, не несущим вреда действиям, но не могут объяснить эту неприязнь в терминах рационального морального осуждения.

М. Хейд и Дж. Херш провели сравнительное исследование реакции либерально мыслящих и консервативно настроенных респондентов на нехарактерные (но при этом безвредные для окружающих) сексуальные практики и обнаружили аффективно-интуитивную реакцию, для которой предложили термин «моральная ошеломленность» (dumbfounding). Она характеризуется смятением и неспо-

способностью объяснить моральную ситуацию с точки зрения причинно-следственных, то есть когнитивных связей. В результате исследования ими сделан основной вывод: если убеждение строится на рациональных аргументах, то это вовсе не гарантирует, что опровержение рациональных обоснований изменит взгляды респондентов. В основе убеждения может лежать эмоциональная интуиция, с помощью которой всегда найдутся иные рационально-оформленные обоснования, опровержение которых будет столь же бессмысленно. В этой связи доказательное опровержение некоторых поведенческих стратегий контрпродуктивно [Haidt, Hersh 2001: 217-218].

Представление о морали как о дедуктивной машине, транслирующей контринтуитивные универсальные максимы, плохо соотносится с реальными импульсами поступков, оцениваемых как моральные или аморальные.

92

Отсутствие связи между когнитивной интерпретацией действия и самим действием выявляется в «играх доверия». Назальное введение [Vorn et al. 2002] нейропептида окситоцина повышает на 17% доверие между партнерами и повышает количество заключенных коммерческих сделок при сопоставлении с контрольной группой, но только при условии социальной коммуникации [Kosfeld et al. 2005] и ведения переговоров с реальным контрагентом (при заключении сделок с роботизированным контрагентом этот параметр не изменяется).

Нейробиологический механизм поощрения и наказания определенных действий не ограничивает персональную автономию — он уже существует как биологическая структура, являясь частью социальной коммуникации и влияя на признание/непризнание социальных практик и явлений, а *prigoi* формируя отношение к ним как одобрение или предубеждение, в некоторых случаях в обход интеллектуальным усилиям. Обращение к этим нейробиологическим механизмам как структурам, которые могли бы войти в технологию морального биоулучшения, в целом соответствует распространению социально-медиализированных концепций.

Однако цель *сделать* человека моральным значительно сложнее. Она проблематизирует этику как сферу философии, а биоэтику — как сферу признания персональной автономии, так как подразумевает активное вмешательство и формирование некогнитивных устойчивых моделей поведения, которые в обычных обстоятельствах должны быть когнитивными с точки зрения философии и автономными с точки зрения биоэтики.

С другой стороны, идея сделать человека моральным должна опираться на концепцию трансфера уже готового, философски осмыс-

ленного и этически признанного знания в заведомо некогнитивные нейробиологические матрицы, формирующие аффективную сторону реакции на социальную коммуникацию. Конфликт, вытекающий из превращения этического, основанного на автономии, философского и рационального этического знания в нефилософское и нерациональное действие является ключевой проблемой создания искусственного морального агента.

Технонаука и благо: «моральный монтаж»

Биологизация и биомедикализация социальной жизни сегодня больше, чем тренд в развитии биомедицины, соответствующий технонаучной экспансии науки в сферу жизни человека, — это продолжение взаимного влияния общества и науки друг на друга. Трансформация науки в социальное благо Б.Г. Юдин [2008: 361] характеризует как сущность нашего времени: «Один из главных векторов, которыми можно охарактеризовать направленность развития науки (да и техники) в последние десятилетия — это ее неуклонное приближение к человеку, к его потребностям, устремлениям, чаяниям. В результате происходит, если можно так выразиться, все более плотное “обволакивание” человека наукой, его погружение в мир, проектируемый и обустроиваемый для него наукой и техникой. Конечно, дело при этом вовсе не ограничивается одним лишь “обслуживанием” человека — наука и техника приближаются к нему не только извне, но и как бы изнутри, в известной мере делая и его своим производением, проектируя не только для него, но и самого же его». Трансфер научно спроектированных решений в социальные процессы отвечает на старые этические вопросы о происхождении блага на языке экспрессии отдельных генов или в виде критики роли когнитивных процессов в принятии прикладных этических решений. Сам запрос на подобные исследования формируется внутри общества через обсуждение науки и «технологии воображения» [Гребенщикова 2018: 65], эпистемные сдвиги, возникающие в результате появления новых социотехнических проектов и смещение под воздействием технологий сложившихся нормативных онтологий [Rommetveit, Wynne 2017], в рамках которых человек начинает себя «особым образом производить в качестве особой личности и особой вещи» [Тищенко 2001: 36].

С другой стороны, превращение блага как цели морали в когнитивный философский конструкт — результат историко-философской эволюции, которую А.Ф. Лосев [2001: 261-262] представляет как отчуждение интуитивного блага от человека: «И если для Средних веков Бог есть сверх-бытие и сверх-факт, для Возро-

ждения Он есть только факт, для Просвещения — условная идея, то для Канта Он — необходимая субъективная идея». Объединение автономии и когнитивных усилий в факты моральных действий в современной биоэтике — важный источник легитимности, выражающийся в информированном согласии как установлении конкретного факта блага для конкретного индивида [Горбулева и др. 2020: 125].

Интерпретация этических и когнитивных процессов как самостоятельных фактов, в основе которых лежат нейробиологические и генетические основания, — не только и не столько этап в трансформации идеи блага и морали, но и философский вызов уже существующей традиции морали. Знание того, как нейробиологически устроена система поощрения/наказания, позволяет говорить о теоретической возможности переноса моральных моделей в уже существующий, эволюционно сложившийся мозг.

Естественно, из этой системы морали выпадает собственно автономный субъект. Между тем улучшенный моральный субъект приобретает квазиморальность, поскольку предполагается, что он воспринимает конвенциональную сконструированную и проверенную идею блага либо по необходимости (принудительно, в просоциальных интересах общества), либо автономно (по своей воле), либо врожденно (по наследству, если он был морально улучшен в результате редактирования его генома). Биотехнологическая трансформация актора ведет и к разрыву самого процесса, по которому проходит человек, признавая нечто приемлемым (условно говоря, благом), а нечто — неприемлемым (злом). Метафорически биотехнологическое редактирование морального агента можно рассматривать как «моральный монтаж» — сокращение времени принятия автономного морального решения в результате размышлений и получение готового результата — необходимого морального действия — без рационального анализа.

Превращение автономного морального актора в биомодифицированного морального актора порождает ряд существенных проблем вследствие внедрения биотехнологий в социогуманитарную реальность. Принцип «натальности» как неприкосновенности человека Х. Аренд и коммуникативной функции автономии Ю. Хабермаса связываются с разведением культурной и биологической реальности и их параллельности [Gyngell et al. 2017: 508] и необходимости сохранения автономии. При биотехнологическом вторжении этика трансформируется в биотехнологию и преобразуется в этику без автономии. Философский взгляд на проблему показывает, что создание «морального» субъекта столкнется с возникновением нового типа морального актора.

Философские и этические перспективы блага, инспирированного инструментами нейробиологий

Философский анализ изменения морального агента, возникший в философской литературе за последние годы, показывает, что моральная автономия — один из ключевых философских и, шире, социогуманитарных принципов, имеющий трансформативный потенциал влияния на общество. Обоснование контроля морального агента для деонтологического и утилитаристского дискурсов является крайне сложной задачей.

Моральный статус в модуле социальности

А. Бьюкенен [Buchanan 2009], один из первых критиков идеи биоулучшения морали, рассматривает проблему морального статуса взаимоотношений человека и постчеловека с точки зрения общности естественных прав. Возможное сосуществование человека и постчеловека он соотносит с моделью, некогда уже случавшейся в истории человечества, — одновременное пребывание на Земле двух близких видов: неандертальцев и кроманьонцев. Трансформативным, разделительным барьером между человеком и постчеловеком должно выступать отличие, которое поменяет не какое-либо исчисляемое свойство — продолжительность жизни или скорость передвижения. Для изменения вида должно произойти изменение морального субъекта, за которым последует изменение статусное.

95

Личностная трансформация может измеряться через прибывание либо убывание материального блага в результате изменения образа действий, либо на основании ценностного подхода, определяемого как следование набору принципов и норм, прямо не связанных с материальным благом [Buchanan 2009: 360]. Два этих подхода соотносятся с утилитаристской и деонтологической концепциями, применяемыми для описания морального статуса. Поскольку утилитаристская модель больше пригодна для исчисления благ, а не неизменяемого статуса (можно исчислять лишь следствия, производимые обладателем статуса, а не сам статус), то остается ценностная модель оценки морального статуса. В ее рамках невозможно быть более или менее моральным, поскольку, как уже было отмечено, моральность не является исчисляемым качеством. Моральность может быть иной, и как следствие в рамках деонтологической интерпретации морального субъекта морально улучшенные люди приобретут новый моральный статус. Это обстоятельство формирует ряд серьезных рисков: большую успешность новых моральных агентов и потенциальную потерю прав естественными моральными агентами.

Закрытость морального агента и его исчерпывающая непознаваемость как вещи в себе (онтологическая трансформация) плохо соотносится с исчисляемостью количества окситоцина, необходимого для стимуляции поведения и понимания механизмов, формирующих просоциальное поведение у млекопитающих. Между тем предложенный исключительно логический ход рассуждения у А. Бьюкенена демонстрирует конфликт моральных статусов при их социальном эксплицировании. Этот конфликт не может носить когнитивный или концептуальный характер, поскольку моральное нейробиологическое стимулирование изначально, как отмечалось выше, некогнитивно. Вместе с тем конфликт моральных статусов ведет к несогласованности улучшенных и обычных моральных агентов.

Проблема легитимности блага

96

Второй блок проблем транслирования моральных установок связан с усилением роли принципа предосторожности в техногенном мире и с актуальностью решений использовать моральное биоулучшение в ответ нарастающим техногенным и экологическим рискам, требующим массового коллективного ответа. Дж. Савулеску и И. Перссон используют утилитаристскую аргументацию обоснования идеи принудительного морального улучшения для реакции на проблему наивысшего вреда (ultimate harm) [Persson, Savulescu 2012]. Стимуляция морального просоциального поведения, с их точки зрения, меняет не личность, а общее благо. Техногенные вызовы действительно проблематизируют концепцию принципа предосторожности, поскольку не позволяют провести линию, разделяющую возможный и маловероятный риск [Holm 2019]. Например, если считать, что ничтожным является событие, вероятность которого равна одному случаю на миллион, то можно представить, что один человек из миллиона способен нанести значительный ущерб, используя техногенный фактор (если он владеет определенными знаниями). Таким образом, принцип предосторожности достаточно сложно использовать как метод анализа вероятных рисков, так как математически трудно установить ничтожный уровень опасности.

Между тем принуждение к социальному благу ограничивает автономию. Сторонники идеи морального биоулучшения предлагают более мягкие версии: в частности, смягченные формы нейробиологической стимуляции морального поведения, лишь частично подавляющие автономию, либо вовсе техногенные формы комплексного контроля, основанные на мониторинге намерений [Savulescu, Persson 2012].

Идея блага, понятого как результат просоциального эмоционально окрашенного действия, столкнулась с критикой *качества при-*

нудительного морального акта, лишённого автономии как своего источника. Альтернативой является автономный выбор как возможность мыслить этически. Мораль, таким образом, представляется скорее как дедуктивный формальный вывод, а не спонтанная эмоциональная реакция. Эта возможность интерпретирует ценность шире, чем созидание, включая разрушение как часть внешнего блага. Оно, будучи проявлением автономии, имеет ценность не меньшую, чем прибавление блага. Один из способов познания мира для детей — это не только строительство, но и разрушение. Freedom to fall [Harris 2016: 56-76], право распоряжаться собственной жизнью, — экзистенциально, как актуальное право здесь и сейчас. Критикуя ограничение свободной воли, Дж. Харрис [2019: 249] рассматривает моральное биоулучшение как вариант локкианской закрытой комнаты или франкфуртские кейсы, где автономия существует как нереализуемая возможность.

Дискуссия о роли автономии в созидании морального блага и проблеме принципа предосторожности в техногенном мире ставит вопрос о статусе ценности (блага) как когнитивной философской концепции, и о том, есть ли основания транслировать эти концепции блага некогнитивно в качестве нейробиологической программы. Остается вопрос, кто будет автором этой программы, определяющей, что именно является благом? Если в религиозной традиции автор и единственный носитель блага — Бог, то в светском обществе авторство блага будет не только конкретным, но и оспариваемым с точки зрения легитимности.

Либо следует исходить из того, что моральное поведение может быть только персональным актом, находящимся в постоянном становлении, объединяющим мораль и суждение в одном акте морального суждения, легитимирующимся через автономию, ограниченную только другими автономиями. Статус моральной установки, полученной без когнитивных автономных усилий и транслированной в поведение с помощью нейробиологических механизмов, с когнитивной точки зрения лишен легитимности в качестве автономного персонального акта и, более того, может быть разрушительным для личности, осознающей двойственность поступка, якобы возможного, но в действительности жестко ограниченного не персональной волей, а нейробиологическим принуждением.

Моральный биотехнологический редукционизм

Нейробиологическая редукция морали затрагивает феномен технологической интерпретации моральных норм и регулятивов, складывавшихся не только под воздействием автономии, но и в качестве культурных, часто амбивалентных процессов. В. Ракич,

последовательно развивающий идею морального биоулучшения, распространяет ее далеко за рамки нейробиологической эволюции и окситоциновой стимуляции социальных связей, находя объекты регулирования морали в экспрессии отдельных генов. Проблему ограничения принципа автономии он снимает автономным решением прибегнуть к моральному биоулучшению. Более того, в биотехнологической перспективе возникает уже не два типа морального биоулучшения — принудительного и добровольного, но и третий тип — врожденный, возникающей по наследованию после редактирования генома (разумеется, когда это будет возможно). Обоснованием такой биотехнологической интервенции становится сциентистский и технологический подходы к социальным процессам — необходимость применять научный прогресс для решения конкретных задач.

98

Критик такого подхода Х. Вайзман отмечает, что важнейшим содержанием моральной нормы является ее культурная целостность и воспроизводимость в институтах образования и воспитания. В качестве примера он приводит моральное понятие «чести», имеющее в разных культурах существенные отличия. Сциентистский подход к морали, основанный на понимании элементов, но не целого, недопустимо упрощает саму проблему морального субъекта.

В философской дискуссии о возможном нейробиологическом вмешательстве в формирование морального поведения выявились три типа рисков, связанных с реализацией цели *сделать* человека моральным: появление третьего морального статуса, ограничение автономии, связанной с когнитивным аспектом формирования морального суждения, и редукция комплексных моральных норм к биотехнологически регулируемым нейробиологическим процессам. Между тем человеку свойственно реагировать некогнитивно (фактически в терминах философии — неосознанно и принудительно) на моральные ситуации и в обычной жизни, безо всякого биотехнологического вмешательства, и свои реакции он не всегда может объяснить. Но следует отметить, что это принуждение может быть желательным (в случае, например, если пациент страдает нейробиологически опосредованной склонностью к насилию) и даже необходимым для эволюционного выживания, что следует из исследований, реконструирующих процесс нейробиологической эволюции у млекопитающих.

Трансфер автономии: расширенное информированное согласие в биомедицине

Трансфер этической доминанты в заведомо лишенной автономии контекст как задача возникает в биомедицине и исследовательской

этике в связи с распространением биобанков [Брызгалова 2018]. Конструирование коллективного морального агента и присвоение ему определенных моральных актов — опыт, который может быть полезен для понимания, как может работать нейробиологический моральный агент, не будучи в полном смысле автономным.

Сохранение фактического информированного согласия — один из вызовов исследований в современном биобанкинге. Поскольку такие исследования проводятся с использованием биоматериалов доноров и связаны с рисками и благом, возникающими в результате этих исследований, информированное согласие, с одной стороны, легитимизирует риски этих исследований, а с другой — позволяет науке оставаться публичной и открытой, пользоваться общественной поддержкой. Множественность исследований в биобанках усложняет процедуру получения информированного согласия для каждого отдельного случая и заставляет вырабатывать новые формы принятия моральных решений (информированных согласий) за доноров биобанков. Расширенное информированное согласие может быть актуально для организации множественных исследований, но, по сути, оно не является в полной мере информированным в силу того, что представляет собой лишь одно согласие на множество различных исследований [Mikkelsen et al. 2019].

99

Расширенное информированное согласие опирается на гарантию этического комитета биобанка соблюдать ценностные и этические приоритеты доноров биобанка. К ценностным приоритетам, например, может быть отнесено обязательство не использовать биоматериалы для проведения милитаристских исследований. В этом случае биобанк не предоставит свои базы данных для таких исследований либо обязан информировать доноров о вызывающих сомнения исследованиях и запрашивать у них дополнительное одобрение.

Институциональный статус этической экспертизы на уровне биобанков и ответственное следование ценностям полученных информированных согласий при проведении генетических исследований ложится на биобанки и опирается на их репутацию. В такой конфигурации биобанки представляют одновременно автономно одобренные и вместе с тем коллективные социальные ценности.

Другой пример трансфера этического знания вне реализации принципа автономии может происходить в экстремальной ситуации медицины катастроф. Эпидемия Covid-19 заставляет не только вырабатывать этические максимы, но и мгновенно действовать в обстоятельствах, продиктованных наиболее оптимальным распределением медицинских ресурсов (в случае их нехватки). Объединение нескольких этических принципов — получение максимально достижимой пользы от применения дефицитных

медицинских средств, помощь тем, кто находится в наихудшем положении, — может служить примером сложившегося баланса этически оправданных предпочтений [Emanuel et al. 2020]. Применение этих правил — наиболее экстремальный сценарий развития эпидемии, когда пациенты распределяются по группам, имеющим наиболее высокие шансы выживания в реанимации (эта практика известна как медицинская сортировка больных или триаж). В США для принятия решений о распределении медицинских ресурсов могут привлекаться службы триаж-офицеров [Ibid.], не связанные с врачами, а информированное согласие включено в консенсус об оптимальном распределении ресурсов, его получение не требуется.

Биоэтические дискуссии относительно возможного трансфера принципа автономии от субъекта к этическому комитету или триаж-офицеру, действующему в согласии с принципами распределения биомедицинских ресурсов, представляют ценность для идеи биоулучшения морали как пример осмысления и объединения автономии и ценностной нормы вне субъекта. Эти кейсы также показывают, что условием функционирования таких систем как моральное биоулучшение могут быть только особые обстоятельства — ограниченность ресурсов или экстремальная ситуация.

100

Заключение

Новые нейробиологические и генетические исследования приводят к переосмыслению социальных и моральных феноменов в терминах биотехнологий и их экспликации в обществе. В биомедицине такие понятия, как благо и риск, автономия и информированное согласие, имеют конкретное прикладное и расширенное философское значения. Ответить на вопрос, «как сделать человека моральным», на языке нейробиологии означает придать семантике термина «моральный» конкретное значение — изменить определенные поведенческие характеристики, поняв их как нейробиологические механизмы. В результате возникает особая семантика: проблема нового морального статуса, кризис автономии и редукция сложившихся в культуре моральных ценностей. Интеграция редуцированных форм нейробиологической морали в сложившиеся социальные институты, по мнению даже такого последовательного сторонника утилитаризма, как Н. Агар [Agar 2014], — задача значительно более сложная, так как моральные ценности имеют комплексную и нередуцируемую структуру, и для успеха морального улучшения необходимо полное понимание моральной психологии человека.

Однако в экстремальных или крайне затруднительных обстоятельствах трансфер автономии от субъекта к представителям субъекта (этическим комитетам) встречается, и различные формы ограничения автономии практикуются ради конвенционального блага. Так или иначе, интерес к биомедикализации морали сохраняется. Задача философской рефлексии — рассматривать распространение биотехнологической технонауки в философию и этику без излишних ожиданий, но как закономерный и последовательный процесс, нуждающийся в серьезном анализе.

Библиография / References

Брызгалина Е.В. и др. (2018) *Биобанкинг: социально-гуманитарные аспекты*, М.: Изд-во МГУ.

— Bryzgalina E.V. et al. (2018) *Biobanking: social and humanitarian aspects*, М.: MSU Publishing House. — in Russ.

Горбулева М.С., Мелик-Гайказян И.В., Первушина Н.А. (2020) Инициативы педагогической биоэтики. *Высшее образование в России*, 29 (6): 122-128.

— Gorbuleva M.S., Melik-Gajkazjan I.V., Pervushina N.A. (2020) Initiatives of pedagogical bioethics. *Higher Education in Russia*, 29 (6): 122-128. — in Russ.

Гребенщикова Е.Г. (2018) Социотехнические мнимости технонауки. *Вопросы философии*, (3): 59-67.

— Grebenshnikova E.G. (2018) Sociotechnical imaginary science. *Philosophy Issues*, (3): 59-67. — in Russ.

Лосев А.Ф. (2001) *Диалектика мифа*, М.: Мысль.

— Losev A. F. (2001) *Dialectics of myth*, М.: Thought. — in Russ.

Тищенко П.Д. (2001) *Био-власть в эпоху биотехнологий*, М.: ИФРАН.

— Tishhenko P.D. (2001) *Bio-power in the era of biotechnology*, М.: IFRAN. — in Russ.

Харрис Д. (2019) Моральная слепота — дар божественной машины. *Праксема. Проблемы визуальной семиотики*, 4: 244-253.

— Harris J. (2019) Moral blindness — the gift of the god machine. *Praxema. Problems of Visual Semiotics*, 4: 244-253. — in Russ.

Юдин Б.Г. (2008) В фокусе исследования — человек: этические регулятивы научного познания. *Этос науки*, М.: Academia, 361-383.

— Yudin B.G. (2008) The focus of the study is man: the ethical regulations of scientific knowledge. *Ethos of Science*, М.: Academia: 361-383. — in Russ.

Agar N. (2014) A question about defining moral bioenhancement. *Journal of Medical Ethics*, 40 (6): 369-370.

Born J., Lange T., Kern W. et al. (2002) Sniffing neuropeptides: a transnasal approach to the human brain. *Nature neuroscience*, 5 (6): 514-516.

Buchanan A. (2009) Moral status and human enhancement. *Philosophy & Public Affairs*, 37: 346-381.

Carter C.S. (2003) Developmental consequences of oxytocin. *Physiology & behavior*, 79 (3): 383-397.

Donaldson Z.R., Young L.J. (2008) Oxytocin, vasopressin, and the neurogenetics of sociality. *Science*, 322 (5903): 900-904.

Emanuel J.E., Persad G., Upshur R. et al. (2020) Fair Allocation of Scarce Medical Resources in the Time of Covid-19. *New England Journal of Medicine*, 382 (21): 2049-2055.

Gyngell C., Douglas T., Savulescu J. (2017) The ethics of germline gene editing. *Journal of Applied Philosophy*, 34 (4): 498-513.

Harris J. (2016) *How to be good*, Oxford: Oxford University Press.

Haidt J., Hersh M.A. (2001) Sexual morality: The cultures and emotions of conservatives and liberals. *Journal of Applied Social Psychology*, 31 (1): 191-221.

Holm S. (2019) Precaution, threshold risk and public deliberation. *Bioethics*, 33 (2): 254-260.

Kosfeld M., Heinrichs M., Zak P., Fischbacher U. (2005) Oxytocin increases trust in humans. *Nature*, 435 (7042): 673-676.

102

Mikkelsen R.B., Gjerris M., Waldemar G., Sandøe P. (2019) Broad consent for biobanks is best — provided it is also deep. *BMC Medical Ethics*, 20 (1): 1-12.

Persson I., Savulescu J. (2012) *Unfit for the Future: The Need for Moral Enhancement*, Oxford: Oxford Scholarship Online.

Rommetveit K., Wynne B. (2017) Technoscience, imagined publics and public imaginations. *Public Understanding of Science*, 26 (2): 133-147.

Rakić V., Wiseman H. (2018) Different games of moral bioenhancement. *Bioethics*, 32 (2): 103-110.

Rakić V. (2019) Genome Editing for Involuntary Moral Enhancement. *Cambridge Quarterly of Healthcare Ethics*, 28: 46-54.

Ruscio M.G., Sweeny T., Hazelton J., Suppatkul P., Carter C.S. (2007) Social environment regulates corticotropin releasing factor, corticosterone and vasopressin in juvenile prairie voles. *Hormones and Behavior*, 51 (1): 54-61.

Savulescu J., Persson I. (2012) Moral enhancement, freedom and the god machine. *The Monist*, 95 (3): 399-421.

Suhler C., Churchland P. (2011) The neurobiological basis of morality. *The Oxford handbook of neuroethics*, Oxford: Oxford University Press: 33-58.

Weiner K., Martin P., Richards M., Tutton R. (2017) Have we seen the geneticisation of society? Expectations and evidence. *Sociology of Health & Illness*, 39 (7): 1-16.

Рекомендация для цитирования:

Белялетдинов Р.Р. (2020) Нейробиология и благо: возможно ли сделать человека моральным? *Социология власти*, 32 (2): 87-103.

For citations:

Belyaletdinov R.R. (2020) Neurobiology and the Good: Is It Possible to Make a Person Moral? *Sociology of Power*, 32 (2): 87-103.

Поступила в редакцию: 09.06.2020; принята в печать: 19.06.2020

Received: 09.06.2020; Accepted for publication: 19.06.2020